

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ СТРАХА¹

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ПОЗДЕЕВ

(Вятский государственный гуманитарный университет:
Российская Федерация, 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26)

***Аннотация.** Статья посвящена этнокультурным стереотипам выражения страха у русских и финно-угорских народов. Одним из этнических маркеров является восприятие и осмысление смерти и связанное с этим психологическое состояние, поэтому на «первом» месте в культурных традициях стоит страх смерти, покойника.*

Страх как эмоциональное состояние в русской народной культуре многогранно представлен в различных фольклорных жанрах: пословицах, сказках, несказочной прозе (быличках, местных легендах и меморатах), не говоря уже о комплексе похоронно-поминальной обрядности с ее богатейшей текстовой разработанностью причитаний. В сказках страх перед покойниками находит наиболее яркое выражение.

Со страхом смерти связывается в этноспецифическом традиционном сознании и страх перед высшими силами, в ведении которых человек оказывается до и после смерти. Некоторые аспекты страха связаны как с языческими, так и с христианскими представлениями о «божественной каре». Страх перед болезнью и возможной смертью реализовывался в создании многочисленных заговоров, молитв, примет. Воззрения на покойника у финно-угорских народов Поволжья охарактеризованы по свидетельствам русских чиновников и ученых-этнографов второй половины XIX — начала XX в., в восприятии которых похоронно-поминальная обрядность мариийцев, удмуртов и коми-пермяков и сторонние впечатления об их духовной культуре оказались насыщены символикой, запретами, утилитарными чертами, которые отражают и страх перед покойником. Вошедшие в историю науки свидетельства демонстрируют, что в какой-то мере рецепция иноэтнической духовной культуры в ее глубинной и не вполне открываемой этнофорами вовне категории страха смерти запечатлела и этническую стереотипность представлений образованных русских дореволюционной эпохи о примитивных инородцах.

***Ключевые слова:** страх, смерть, национальные стереотипы, этнические маркеры, эмоциональные состояния, похоронно-поминальная обрядность.*

В культурах разных стран и народов сформировались особые стереотипы восприятия и отражения страха, которые связаны с социальными и культурными традициями. Одним из этнических маркеров является восприятие и осмысление смерти и свя-

занное с этим психологическое состояние, поэтому на «первом» месте в культурных традициях стоит страх смерти, покойника. Этот страх обусловлен, прежде всего, биологическими и экзистенциальными состояниями человека. Как отмечали С. Гроф

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00077 «Эволюция этнических маркеров вятских северных и южных этноконтактных зон».

и Дж. Хэлифакс, «...смерть — одно из тех немногочисленных переживаний, через которые рано или поздно проходит каждый живущий. Ее наступление неотвратимо. Однако сущность смерти окутана глубокой тайной. С незапамятных времен сам ее факт стимулировал фантазию человека, предопределив удивительную пестроту выражения в религиях, искусстве, мифологии, философии и фольклоре. Многие выдающиеся памятники архитектуры, рассеянные по миру, были вдохновлены тайной смерти» [Троф, Хэлифакс 1996, 14].

Страх как эмоциональное состояние в русской народной культуре многогранно представлен в различных фольклорных жанрах: пословицах, сказках, легендах, быличках. Так, в русских пословицах тема смерти раскрывается в различных ракурсах, например, отражается «биологический страх»: «Всякий живот боится смерти. Живой боится смерти»; социальный аспект смерти: «Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли», «Люди мрут, нам дорогу трут. Передний заднему — мост на погост», «По-мрешь, так прощай белый свет — и наша деревня!». В пословице «Видимая смерть страшна» отразился страх, который вызван тем, что умирающий встречается со Смертью как с чем-то неизвестным. В пословице «Смерть ни на что не глядит» народ отражает взгляд на беспощадность и неизбежность ухода в иной мир. Однако есть пословицы, в которых отражается не страх перед смертью, а «легкость» ухода: «Умирать — не лапти ковырять: лег под образа, да выпучил глаза, и дело с концом» [Даль 1984, 219–220].

В русских сказках персонажи испытывают страх перед антагонистом, перед испытаниями, перед будущим (511 Чудесная корова; 480 Мачеха и падчерица). Причиной печали героини сказки «Медный лоб» является страх ожидания собственной смерти. В сказке «Хитрая наука» антагонист бросает героя в огонь, а его отец от ужаса каменеет. В сказке «Бесстрашный барин» смерть стоит в ряду «страстей», на поиск которых отправляется герой (барин) [Зеленин 1915, 182]. В сказках изображение страха является общим местом, т.е. эти эмоции относятся к отрицательным биологическим эмоциям (испуг, боязнь, страх, ужас) и имеют довольно большую повторяемость. Как

отмечает Т. В. Краюшкина, в сказках используются различные средства выражения эмоций (плач, смех, жестикация, изменения лица, действия сердца и души, речевые средства выражения) [Краюшкина 2011, 104–190].

Со страхом смерти связывается в национальном сознании и страх перед высшими силами, в ведении которых человек оказывается до и после смерти. Как в архаической, так и в христианской этике в основе многих запретов и предписаний лежит страх перед наказанием высшим божеством. Это диктует особые формы поведения человека в повседневной жизни и в семейно-бытовых обрядах. В связи с проявлением различных психологических состояний в традиционной культуре определенную роль играет регламентация всего жизненного уклада. С. М. Толстая пишет, что «эти регламентации имеют форму запретов и предписаний, существующих в устной традиции и далеко не всегда получающих вербальное воплощение» [Толстая 2011, 311]. Такие запреты могли касаться тех действий, которые приводили, по мысли народа, к отрицательным последствиям. Например, страх голода заставлял кормить овсяным киселем мороз во время весенних заморозков, чтобы сохранить посевы, оставлять велесову бороду на поле и т.п.

Еще более жесткая форма запретов существует в христианской морали. Каждое нарушение-грех карается, поэтому человек должен был испытывать страх на протяжении всей жизни.

Некоторые аспекты страха, связанные с языческими и христианскими традициями «божественной кары», отражают национальные стереотипы. Особенно ярко они проявляются у народов, которые существовали и существуют в системе двух мировоззрений: языческой и христианской (мы будем рассматривать особенности финно-угорских народов). Например, страх смерти и загробной жизни в национальных культурах соединял эти два мировоззрения. С. К. Кузнецов отмечает, что в представлениях марийцев (черемисов) нет стройной, разработанной системы «загробного мира». Однако «первая половина загробного мира называется волгыды вер, “светлое место”, вторая — пичкымыш вер, “темное место”. Слово тамук (ад) есть заимствование у татар понятие, с более широким значением “загробного мира”» [Кузнецов 2009, 100].

Страх перед болезнью и возможной смертью реализовывался в создании многочисленных заговоров, молитв, примет. Так, у марийцев довольно развито моление о здоровье, об излечении больных, которое проводит заклинатель. Однако «ко времени приглашения заклинателя больной становится обыкновенно крайне плох, и вскоре за этим для крещеного больного приглашается священник», — пишет С. К. Кузнецов [Там же, 109]. В марийской народной традиции «ангел смерти» Азырен внушал ужас, потому что он «невидимо перерезает ножом горло и извлекает из человека всю кровь» [Там же, 154].

Еще в XIX в. в заметках о вотяках (т.е. удмуртах) и черемисах (т.е. марийцах) А. И. Герцен² писал об их страхе перед высшими божествами и загробной жизнью: «Религиозные понятия вотяков некрещеных нисколько не выше религиозных понятий какого-нибудь смиренного племени в Океании — например, гавайского. Они верят в верховное существо, но верят также и в других, частных, богов, подчиненных ему, а более всего в злой дух, который, по их мнению, самовластно управляет жизнью людей. Жертвенные места (кереметь) избирают на возвышенностях в еловых лесах. Их понятия о будущей жизни грубы и сбивчивы. Они считают себя под гневом высшего существа, и достаточно прочесть молитвы их, чтобы разом видеть и степень их образования, и то внутреннее отчаяние, о котором мы говорили выше. Все молитвы свои они ограничивают просьбою о пище и о детях. Как будто, устрешенные прежними несчастьями, не надеются на бога и потому вымаливают хоть существование. У них четыре больших праздника в году, сообразные с началом и окончанием посева, жатвы и покоса. Самый большой — по окончании жатвы; тут приносятся на жертву лошадь рыжего цвета и другие животные, мясо их съедают. Весною сожигают на жертвоприношении пестрого дятла» [Герцен 1954,

370]. Такая зависимость от высших сил порождает и эмоциональные стереотипы, которые сопровождали те или иные обряды, регламентировали веселье и скорбь, страх и тоску.

В одной из немногих статей о страхе и тоске в народной культуре А. К. Байбуриной отмечает, что «тема страха (в отличие от тоски) гораздо менее разработана. Возможно, это связано с тем, что страх (во всяком случае в контексте похоронного обряда) является более определенным переживанием, чем тоска. Страх приходит и уходит вместе с покойником, а тоска остается и провоцирует новое проявление страха. Для тоски характерна длительность (не случайно вводятся временные ограничения на тоску), а страх возникает неожиданно и длится мгновения, достаточные, однако, для того, чтобы “обмереть” или “умереть от страха” [Байбурина 2001, 107].

У разных народов смерть, покойник, потусторонний мир, мир предков вызывали страх, и на протяжении веков формировались особые «защитные» механизмы похоронно-поминального обряда. По мысли С. М. Толстой, «...отношение живых к миру мертвых в архаических культурах обычно определяется понятием культа предков, подразумевающим различные ментальные, ритуальные и вербальные формы почитания, поклонения и обожествления умерших. Между тем отношения двух миров не полностью укладываются в это понятие: кроме культа, в них явно присутствует страх перед мертвыми, сознание зависимости от них, стремление к поддержанию определенного равновесия между двумя мирами, в котором усматривается гарантия сохранения всего миропорядка». Это состояние исследователь определяет сербским словом «*страхопоштованье*», которое обозначает почитание, переходящее в страх [Толстая 2011, 260].

Представления о покойниках, о загробной жизни и связанный с этим

² Выдающийся общественный деятель А. И. Герцен (1812–1870) был сослан в Пермь, а оттуда в Вятку в 1834 г. и проживал в Поволжье, где и познакомился с «инородческими» коренными финно-угорскими народами по службе в канцелярии губернатора. В рамках нашего исследования невозможно в достаточной мере охарактеризовать глубину этнографического постижения А. И. Герценом традиционной духовной культуры финно-угорских народов, даже установить, насколько хорошо публицист овладел удмуртским и марийским языками, что необходимо учитывать при рецепции его оценок, которые стоит трактовать как сторонние свидетельства. При всем сочувствии к угнетенным инородцам восприятие А. И. Герцена исторически несвободно от выглядящего сегодня шовинистическим высокомерия.

похоронно-поминальный обряд как финно-угорских народов (марийцев, удмуртов и коми-пермяков), так и относящихся к тюркской языковой семье чувашей и татар являются также особыми маркерами их идентичности. Страх перед покойником заставлял их, как это имело место и у русских, «изобретать» необычные методы приготовления его к похоронам: особые способы омовения, одевания в одежду, избавления от старой одежды, копания могилы.

Воззрения на покойника, похоронно-поминальная обрядность марийцев и коми-пермяков насыщены символикой, запретами, утилитарными чертами, которые отражают и страх перед покойником. Обрядовые действия, символические атрибуты, связанные с покойником, имеют разную степень разработанности, значимости, поэтому в народной традиции по-разному сохраняются. На наш взгляд, важно то, что похоронно-поминальный комплекс является своеобразным маркером, отражающим этнокультурные стереотипы [Поздеев 2014].

Так, одной из особенностей марийского воззрения на умирающего является то, что его тело после смерти становится чем-то нечистым и страшным. Из-под умирающего убирают перину, стелют солому, около ложа ставят чашку с водой. Иногда родственники уходят из дома и не ночуют там из чувства страха.

Как марийцы («черемисы» по русскому дореволюционному экзониму) обмывают покойника, подробно описал выдающийся этнограф конца XIX в., статский советник Стефан Кирович Кузнецов (1854–1913), сам уроженец Малмыжского уезда Вятской губ. Делают они это с большими предосторожностями «при помощи веника, иногда даже насаженного на палку, чтобы меньше приходилось касаться руками трупа». Чаще всего сразу после смерти лицо покойника накрывают белым холстом, который приносят соседи. В головах ставят на полено или на край гроба свечи [Кузнецов 2009, 100].

Дореволюционный и советский этнограф Д. К. Зеленин (1878–1946) также отмечал, что черемисы по-особому относились к покойникам: «Черемисин не чувствует любви хотя бы и к очень близкому прежде человеку — покойнику; напротив, он питает к нему отвращение и **страх** (выделено мной. — В. П.). Мертвеца поскорее стараются убрать из дома, поскорее

похоронить. Обмывают его на дворе, причем сами после этого моются в бане и моют свое платье. Лубок и солому, на которых лежал мертвец, стружки от гроба, веник, которым его обмывали, — всё это бросают куда-нибудь в “дикое” (сорное) место. Покойник, по понятию черемис, нечистый, так как он теряет дух Юмы (Бога) и поступает в полное обладание злого Кереметя, с которым теперь заодно и действует. Чтобы покойник не явился за чем-нибудь нужным для него на землю, в гроб ему кладут всё то, что он употреблял при жизни» [Зеленин 2013, 183]. Подобная же информация о марийцах, удмуртах, пермяках публиковалась в начале XX в. в «Живописной России» [Живописная Россия 1901].

По свидетельству С. К. Кузнецова, у марийцев возникал страх перед могилой, страх перед владыками загробного мира Тамкувуй, Киамат-төра и Киамат-савуш. В честь их зажигали три свечи, которые опускали на дно северной части могилы. Марийцы очень боялись осквернить себя соприкосновением с гробом, могилой, телом покойного. Чтобы оградить себя, пишет С. К. Кузнецов, «...гроб снимается с экипажа не руками, а таким способом: вокруг верхнего и нижнего концов гроба захлестывается по петле из лычных веревок; такие же петли делаются на свободных концах веревок, на аршинной примерно высоте от крышки гроба. В верхние петли продевают длинный шест. Упершись в шест плечами, поднимают гроб с экипажа и подносят к могиле, в которую носильщики стараются не смотреть. Вынув ножи, постоянно висевшие у пояса, они как можно скорее стремятся перерезать веревку одновременно. Обрезанный гроб грузно ударяется в дно могилы, иногда сначала одним, потом другим концом; может случиться и так, что гроб перевернется вверх дном» [Кузнецов 2009, 100]. Лопаты, которыми зарывали могилу, оставляют около нее. «Платье, в котором умер черемисин, в старину вешалось над могилой, а теперь, — отмечал исследователь, — бросается в овраг вместе с постелью» [Там же]. То есть детали похоронного обряда как бы материализуют чувство страха перед покойником.

Такое отношение к покойнику отмечалось на рубеже XX в. и у пермяков. Они тоже испытывали страх перед умершим. Этнограф Всеволод Мефодьевич Янович (1854–1905), описывая похороны у пермяков, отмечал, что «торопятся пермяки

с погребением из-за боязни покойника. По верованию их душа покойника гуляет по свету гораздо дольше, чем сам он. Эта душа во всякое время “по злобе” может напугать и причинить много зла еще не покинувшим юдоль скорби обывателям. Она, т.е. душа, всегда, однако же, старается быть поближе к своему телу и к тому же она еще безглаза — прийти ей от трупа назад поэтому гораздо труднее, чем тогда, когда труп поблизости. Вот и рекомендуется как самое лучшее средство для тех, кто желает во что бы то ни стало как можно скорее избавиться от неприятностей, поскорее распрощаться с телом покойника. Только эта боязнь, только это чувство самосохранения и заставляют пермяков проделывать разные странности. Чтобы душа, по безгласности, не приняла дровни за тело и не возвратилась домой обратно, они еще и теперь очень часто оставляют дровни на кладбище» [Янович 1903, 95].

Страх возвращения покойника в мир людей и заставлял пермяков использовать «предохранительные» меры: дровни, на которых привозят покойника на кладбище, «...или закапываются наполовину в могилу, или просто оставляются на кладбище <...>, если бы покойнику вздумалось вылезти из могилы, он, если даже и сможет вставить оглобли или выкопать руками (работа не скорая) из могилы дровни, во-первых, по безгласности своей души, если и поедет, так не в сторону семейщиков, а в противоположную, не найдет их и, убедившись в своем бессилии, возвратится обратно; во-вторых, на означенные работы покойник положит так много времени, что до петухов ему будет не доехать. Эта же боязнь-страх перед умершим заставлял пермяков чтить и всячески ублажать память “живого упокойничка”» [Там же].

В преданиях и быличках страх проявляется также в связи с чем-то неизведанным, необычным, связанным с миром мертвых или предков. В статье «Клады Орловского уезда» Н. А. Добротворский приводит предание о «чуди», в котором можно видеть, как в конце XIX в. пермяки относились к могилам предков: «№ 9. В Слудской волости, недалеко от Булатовского починка, по высокому нагорному берегу речки Летьки, находится 8–10 так называемых “чудских ям”. Предание говорит, что в здешних краях в давнишние времена жил народ “Чудя”. <...> Чудские ямы всегда расположены

группами от 7–15 штук. Чудских ям при починке Булатовском никто никогда не раскапывал. Пермяки верят, что тут большие клады лежат, но раскапывать их не раскапывают, потому что ямы эти внушают им какой-то суеверный ужас (выделено мной. — В. П.)» [Добротворский 1883, 4]. В сознании пермяков возникал внутренний конфликт: они знают о кладах, но «историческая память», стереотипы запрещают раскапывать «ямы», потому что это связано со страхом смерти.

Несколько иное отношение к покойникам отмечено у удмуртов (вотяков). Так, этнограф и историк, профессор Казанского университета Иван Николаевич Смирнов (1856–1904), сам уроженец Царево-Кокшайского уезда Вятской губ. (ныне окрестности г. Йошкар-Олы Республики Марий Эл), в своем очерке об удмуртах, именуемых им, согласно принятому до революции экзониму, вотяками, писал, что, «когда сильный испуг парализирует на некоторое время члены вотяка, он, подобно окружающим, замечает разницу между этим состоянием и последующим и делает заключение, что из него сначала вышло, а потом опять вошло нечто, дававшее его телу возможность совершать разнообразные действия. Это воззрение отражается в языке тем, что для обозначения сильного испуга у вотяков употребляется выражение *уртэз кошкэм — дух ушел*» [Смирнов 1890, 176–177]. Такое состояние страха-испуга характерно не только для вотяков: у русских есть выражение «замереть от страха», «от страха душа в пятки ушла», «ни жив ни мертв», «кровь стынет (леденеет) в жилах». «Что касается страха перед умершими, — пишет далее И. Н. Смирнов о вотяках, — то основанием его является, конечно, вера в то, что умерший может взять к себе живущего, если тот не будет ублажать его» [Там же, 190].

Таким образом, проявление страха, как «основного» эмоционального состояния человека, имеет свои стереотипы в национальных культурах, отраженные в различных обрядах и фольклорных жанрах, выражающиеся как в вербальных, так и в акциональных формах. Эти стереотипы передают не только частное этнокультурное восприятие страха, но и общие типологические основания страха перед таким биологическим явлением, как смерть, и страха перед высшими божествами и загробным миром.

Литература

Байбурин 2001 — Байбурин А. К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту односюжета) // Труды факультета этнологии. СПб., 2001.

Герцен 1954 — Герцен А. И. Прибавления к «Вятским губернским ведомостям». Вотяки и черемисы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 1.

Гроф, Хэлифакс 199 — Гроф С., Хэлифакс Дж. Человек перед лицом смерти / Пер. с англ. А. И. Неклесса. М., 1996.

Даль 1984 — Даль Вл. И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. М., 1984. Т. 1.

Добровольский 1883 — Добровольский Н. Клады в Орловском уезде // Вятские губернские ведомости. 1883. № 13. С. 4.

Живописная Россия 1901 — Иногородцы Среднего Поволжья // Живописная Россия. Т. 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Ч. 1. Среднее Поволжье. СПб.; М., 1901.

Зеленин 1915 — Великорусские сказки Вятской губернии: с прил. шести вотяцких сказок: Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915.

Зеленин 2013 — Зеленин Д. К. Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание При-

камского края // Зеленин Д. К. Избранные труды / Сост. и науч. ред. В. А. Поздеев. Киров, 2013.

Краюшкина 2011 — Краюшкина Т. В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок. Владивосток, 2011.

Кузнецов 2009 — Кузнецов С. К. Святыни. Культ предков. Древняя история: [Сб. избр. трудов] / С. К. Кузнецов; Сост. Л. Шемйэр. Йошкар-Ола, 2009.

Поздеев 2014 — Поздеев В. А. Фольклор как маркер в вятских этнокультурных зонах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 101–106.

Смирнов 1890 — Смирнов И. Н. Вотяки: Историко-этнографический очерк // Известия обществ археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1890. С. 176–177.

Толстая 2011 — Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. 2-е изд. М., 2011.

Янович 1903 — Янович В. М. Пермьяки // Живая старина. 1903. Вып. 1–2. С. 95.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26; тел. +7 (8332) 67-89-46; e-mail: slavapozd@yandex.ru

REFLECTION OF ETHNO-CULTURAL STEREOTYPES OF FEAR

VYACHESLAV POZDEEV

(Vyatka State University for Humanities:

26, Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002, Russian Federation)

Summary. The article is devoted to ethno-cultural stereotypes of expression of fear among Russians and Fenno-Ugric peoples. Perception and understanding of death and specific psychological condition, associated with it, are interpreted as one of ethnic markers, so the fear of death and of the deceased occupies the primary place in spiritual and ritual cultural traditions of given ethnic groups. Fear as the emotional state is multifaceted and it is manifested in different genres of folklore in Russian folk culture: proverbs, fairy tales, oral narratives (memorates, belief- and local legends), and last but not least in the funeral and obit tradition with its rich lament poetry. Fairy tales seem to provide the most vivid expression of fear of the dead.

There in ethnically specific traditional consciousness fear of death is related with fear of the supreme supernatural forces, which were believed to control each person before and after his death. Some aspects are related with both pagan and Christian concepts of Divine punishment. Fear of diseases and possible death caused creation of numerous incantations, prayers, omens and magic practices.

Concept of deceased, that appeared among Fenno-Ugric peoples of Volga Region, are characterized according to evidences, given by Russian authorities and ethnography scholars from the last half of the 19th — beginning of the 20th centuries. According to their perception funeral and obit ritual

complexes of Marias, Udmurts and Komi-Permyaks, as well as alien impressions about “ethnofors” spiritual cultures got overendowed with symbols, taboos, utilitarian features that reflect strong fear of the dead. These evidences, being of great value for the history of Russian ethnography, demonstrate, that reception of alien spiritual culture, especially that of its such a deep and unopened category, as fear of death and the deceased, reflected to some extent also ethnic stereotypes of views about primitive “indigenous population”, adhered by educated Russians in the prerevolutionary period of history.

Key words: fear, death, national stereotypes, ethnic markers, emotional state, funeral and obit rites.

Acknowledgements. This research is supported by the grant of the Russian State Fund for Humanities, No. 14–04–00077 “Evolution of Ethnic Markers of Northern and Southern Contact Areas”.

References

- Baiburin A. K.** (2001) Toska i strakh v kontekste pokhoronnoy obryadnosti (k ritual'nomifologicheskomu podtekstu odnogo syuzheta) [Anguish and Fear in the Context of Funeral Ceremoniality (to the Ritual and Mythological Subtexts of a Given Plot)]. Trudy fakul'teta etnologii. [Proceedings of the Ethnology Faculty]. St. Petersburg. In Russian.
- Dahl' V. I.** (1984). Poslovitsy russkogo naroda. V 2 t. T. 1. [Proverbs of the Russian People: In 2 vol. Vol. 1]. Moscow. In Russian.
- Dobrotvorskiy N.** (1883) Klady v Orlovskom uezde [Treasures of Orel County]. Vyatskie gubernskie vedomosti [Vyatka Provincial Journal]. 1883. No. 13. P. 4. In Russian.
- Gertsen A. I.** (1954) Pribavleniya k «Vyatskim gubernskim vedomostyam». Votyaki i cheremisy [Additions to “Vyatka Provincial Journal”. Votyaks and Cheremisses]. Gertsen A. I. Sobr. soch.: V 30 t. T. 1 [Gertsen A. I. Collected Works: In 30 vol. Vol. 1]. Moscow, 1954–1965. In Russian.
- Grof Stanislav, Halifax John.** (1996) The Human Encounter with Death. Translated from English by A. I. Nekless. Moscow; Kiev. In Russian.
- Inorodtsy Srednego Povolzh'ya [Indigenous Aliens of Middle Volga Region] (1901). Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. Pod obshch. red. P. P. Semanova [Picturesque Russia. Our Motherland in its Landscape, Historical, Ethnic, Economic and Everyday Life Dimensions. Ed. by P. P. Semenov]. T. 8. Srednee Povolzh'e i Priural'skiy kray [Vol. 8. Middle Volga Region and the Urals]. Ch. 1. Srednee Povolzh'e [Part 1. Middle Volga Region]. St. Petersburg; Moscow. In Russian.
- Krayushkina T. V.** Fiziologiya i psikhologiya personazhey russkikh narodnykh volshebnykh skazok [Physiology and Psychology of Characters of Russian Folk Fairy Tales]. Vladivostok. In Russian.
- Kuznetsov S. K.** (2009) Svyatyni. Kul't predkov. Drevnyaya istoriya: Sb. izbr. trudov. S. K. Kuznetsov; Sost. L. Shemyer [Shrines. The Cult of Ancestors. Ancient History. Selected Works by S. K. Kuznetsov; Comp. by L. Shemyer]. Yoshkar-Ola. In Russian.
- Pozdeev V. A.** (2014) Fol'klor kak marker v vyatskikh etnokul'turnykh zonakh [Folklore as a Marker of Ethnic and Cultural Areas in Vyatka]. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta [Herald of Vyatka State University for Humanities. 2014. No. 5. Pp. 101–106. In Russian.
- Smirnov I. N.** (1890) Votyaki. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Votyaks <Udmurts>. Historical and Ethnographic Essays.] Izvestiya obshchestv arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Bulletin of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Emperor University of Kazan'. Kazan'. Pp. 176–177. In Russian.
- Tolstaya S. M.** (2011) Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoy etnolinguistike [Semantic Categories of Language of Culture: Essays on Slavic Ethnolinguistics]. The 2nd Edition. Moscow. In Russian.
- Yanovich V. M.** (1903) Permyaki [The Permyaks]. Zhivaya starina [Alive Antiquity]. 1903. Issue 1–2. St. Petersburg. P. 95. In Russian.
- Zelenin D. K.** (2013). Kama i Vyatka: Putevoditel' i etnograficheskoe opisaniye Prikamskogo kraya [Kama and Vyatka. Travel Guide and Ethnographic Description of Kama Region]. Zelenin D. K. Izbrannyye trudy. Sost. i nauch. red. V. A. Pozdeev [Selected Works by D. K. Zelenin. Comp. and ed. by V. A. Pozdeev]. Kirov. In Russian.
- Zelenin D. K.** (1915) Velikorusskie skazki Vyatskoy gubernii: s pril. shesti votyatskikh skazok (sbornik D. K. Zelenina) [Great-Russian Folk Tales of Vyatka Province: with addition of six Votyak Folk Tales (Zelenin's Miscellanea)]. Petrograd. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: slavapozd@yandex.ru

Tel.: +7 (8332) 67-89-46

26, Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002, Russian Federation

Full Professor (Philology), professor of Russian and Foreign Literature department, Vyatka State University for Humanities